

УДК 655.535.25+019
ББК 76.175+78.50

ВНУТРИТЕКСТОВЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ: ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА И РЕДАКТОРА

© Н. П. Перфильева, 2012

*Новосибирский государственный педагогический университет
630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28*

Статья посвящена проблеме уместности употребления внутритекстовой библиографической ссылки с лингвистической и издательской точки зрения. Рассматривается вопрос о пунктуационном оформлении этого вида библиографических ссылок.

Ключевые слова: библиографическая ссылка, скобки, вставка, авторизация.

The article deals with the appropriateness of using intext bibliographic reference from the linguistic and editorial point of view. The question of punctuation design sign for this type of references is considered.

Key words: bibliographic reference, staples, paste, authorization.

Цель данной статьи – обсудить вопрос уместного употребления внутритекстовой библиографической ссылки и ее целесообразного пунктуационного оформления с формальной и коммуникативно-прагматической точки зрения. Актуальность данного вопроса обусловлена не столько противоречивостью некоторых рекомендаций, появившихся в государственных стандартах XXI в., сколько недостаточной компетентностью некоторых современных авторов и редакторов.

Оформлять внутритекстовые ссылки в круглых скобках (именно такой вариант является по ГОСТу 7.1 и ГОСТу Р 7.05-2008 предпочтительным), на наш взгляд, – коммуникативно нецелесообразно. Как известно, в системе русской пунктуации вариантами скобок являются и круглые, и квадратные, и косые. В литературной письменной речи – и прежде всего научной, второй половины XX в. – эти знаки различаются сферой употребления. Объединяет их то, что названные варианты обозначают границы вставок. Круглые скобки используются во всех стилях письменной речи, а квадратные (реже косые) – только в научном тексте как знак особой вставки – библиографической ссылки. Это правило сохранялось даже в период, предшествующий тотальной компьютеризации, хотя на клавиатуре пишущей машинки и не было клавиши «квадратные скобки».

Поэтому фрагмент текста, в котором библиографическая ссылка располагалась внутри вставки (в переводе на лингвистический язык – вставка во вставку), оформлялся как стечение (линейная цепочка) квадратных и круглых скобок, например:

В конце XX в. объектом пристального внимания лингвистов становится коммуникативная деятельность человека, в том числе и речевое поведение (см. обзор в работах Т. Г. Винокур [Винокур 1993] и М. В. Колтунова [Колтунова 2004]).

При замене квадратных скобок на круглые трансформ приобретает неудачный вид, ср.: *В конце XX в. объектом пристального внимания лингвистов становится коммуникативная деятельность человека, в том числе и речевое поведение (см. обзор в работах Т. Г. Винокур (Винокур 1993) и М. В. Колтунова (Колтунова 2004)).*

Итак, оформление внутритекстовых библиографических ссылок с помощью квадратных скобок не только является традиционным, но и коммуникативно целесообразным.

Корректность употребления внутритекстовых библиографических ссылок, как показывает анализ научных текстов, созданных филологами, демонстрирует степень лингвистической, текстовой и издательской компетенций автора, а в ряде случаев и редактора.

Выбор корпуса текстов для анализа обусловлен тем, что филологи, как правило, предпочитают в своих работах употреблять внутритекстовые ссылки, а самое главное – даже эта категория авторов испытывает затруднения при оформлении таких модусных составляющих текста, как авторизация и иногда метатекст в научном тексте. Затруднения связаны с недостаточной лингвистической компетенцией авторов в области семантического синтаксиса и/или отсутствием ясного осознания *двухкомпонентности научного текста*.

Двухкомпонентная структура научного текста, включающая текст как целостное речемыслительное произведение, содержащее научную информацию, и *справочный аппарат*, в том числе библиографические ссылки, – это аксиома для редактора.

В рамках же семантического синтаксиса давно осознана идея, что текст как высказывание имеет два пласта – объективный и субъективный (включая авторизацию, метатекст и др.) [Шмелева, 1988]. Таким образом, текст с издательской точки зрения – это текст в лингвистическом понимании плюс рамка «справочный аппарат».

В зависимости от своего коммуникативного намерения и смысловых нюансов высказывания опытный автор вводит в научный текст чужую речь, чужое слово с помощью:

- показателей авторизации,
- метаоператоров.

Рассмотрим каждую ситуацию.

1. Введение *показателей авторизации*, иначе говоря, оформление чужой речи с помощью таких синтаксических структур, как прямая/косвенная речь, вводные элементы – одна из предметных компетенций по русскому языку, которая должна быть сформирована у выпускника полной школы.

Например, во фразе *Как утверждает поэт и критик О. Седакова, «в глубине русского романа обыкновенно лежит нечто подобное притче»* [Седакова 1994: 12] (Д. Самойлова) говорящий маркирует чужую речь с помощью классических показателей авторизации: вводного элемента *Как утверждает поэт и критик О. Седакова* и кавычек.

С редакторской точки зрения чужая речь, или цитата, в данном контексте эксплицирована вводным элементом и кавычками как показателями авторизации и сопровождается внутритекстовой библиографической ссылкой, которая квалифицируется с синтаксической точки как вставка. Таким образом, в данном фрагменте реализована трехчленная модель.

С позиции семантического синтаксиса показатели, маркирующие авторское «я» («я говорю», «мои слова», «от себя скажу», «привожу свое мнение, наблюдение» и т. д.), избыточны. Особенно критике подвергается вводный элемент *как мне думается*, например: *А литература, как мне думается, все равно будет заниматься тем, чем она занималась во все века – познанием души человека, его трагедией – но не трагедией элементарной, когда хлеба нету (в конце концов появится хлеб!), а трагедией самой судьбы человеческой, которая трагична от начала до конца, от рождения до смерти...* (Ю. Левитанский «...Многого просто уже не успеть...»).

Однако употребление вводного элемента объясняется актуализацией авторизационного компонента, так же как и в следующих контекстах:

К настоящему времени у нас сложилось два прямо противоположных и, я бы сказал, почти симметричных образа Запада (Ю. Афанасьев «Опасная Россия»); *От себя замечу, что наши минометчики в тридцатых годах были очень хорошо информированы о западных новинках* (А. Ширококорд «Тайны русской артиллерии»).

В научном тексте показатели авторского «я» (от деликатного, некатегоричного *как мне думается*, нейтрального *на наш взгляд* и до уверенного *от себя замечу, добавлю от себя*) часто маркируют границу между чужой и своей позициями по поводу дискуссионного вопроса. Вводный элемент *я бы сказал* встраивается в микросистему синкретичных по природе языковых средств, которые, маркируя «моя – чужая речь», одновременно выражают принадлежность выделяемой части высказывания лексикону автора.

2. Если автору важно подчеркнуть, что он употребляет *слово/выражение из чужого лексикона*, то вводится метаоператор (подробнее см. более ранние работы [Перфильева, 2006]), обычно вводный элемент или вставка, например: *Множество умных и образованных свидетелей революции и Гражданской войны (из интеллигенции, из служащих) было уверено, что такие «окаянные дни» (говоря словами Бунина) – это русский апокалипсис, крушение не просто тех или иных государственных структур, а уничтожение государственности вообще, крах России, погружение в бездну* (Р. Баландин, С. Миронов «Тайны смутных эпох»).

Адресант может также эксплицировать взаимодействие авторизации («употребляю чужое слово конкретной языковой личности»), метатекста («интерпретирую его») и согласия с помощью таких вводных элементов, как *по меткому выражению, по точному выражению, по обоснованному утверждению* и др., например: *Говоря точным горьковским словом, они уже «выламывались» из своей культуры, хотя, как правило, и не делали последнего решительного шага* (В. Орлов «Перепутье»); *Войны ведутся народами. И «дубина народной войны», по образному выражению Л. Н. Толстого, всегда была грозной и величественной силой* (П. Жилин «Кутузов»).

Во всех этих случаях чужое слово, как правило, не сопровождается внутритекстовой библиографической ссылкой.

Опыт редактирования «Молодой филологии» – сборников исследовательских работ молодых ученых, – а также знакомство с диссертациями и другими работами филологов (даже докторов наук) дали значительный отрицательный материал. Он позволяет утверждать, что редактор часто сталкивается с несформированной языковой, текстовой и издательской компетенциями. Возможно, что отрицательный материал в докторских работах – это,

скорее, проявление современной тенденции к экономии языковых средств и речевых усилий при оформлении чужой речи и ссылок на чужое знание в собственно научном тексте.

В современных текстах часто **нарушается модель оформления авторизации**: автор с помощью кавычек обозначает границы чужого высказывания, но не вводит в базовый текст информацию о том, кому принадлежит это чужое высказывание, ограничиваясь библиографической внутритекстовой ссылкой, например: «Языковая игра предполагает выход за рамки нормативного языкового кода», «предстает как "парадоксальное" отклонение от сложившихся форм языкового выражения смысла в разных сферах речи, отражая особенности языковой ментальности» [Гридина 2002: 24]. Языковая игра – «это некоторая языковая неправильность (или необычность), осознаваемая говорящим (пишущим) и *намеренно допускаемая*» [Санников 1999: 23] (из статьи М. И*¹).

С синтаксической точки зрения автор как будто стесняется строить высказывание с прямой речью, точнее, ввести рамочную структуру – слова автора. Более того, данный контекст представляет собой нанизывание цитат. В результате читателю не ясен замысел автора текста: он представил диалог двух позиций или точку зрения одной группы исследователей. Контекст построен по компилятивному принципу и отражает незавершенность речемыслительного процесса автора, поскольку его отношение к цитатам как к чужому знанию не эксплицитировано.

С редакторской точки зрения в данном контексте происходит смешение базового текста и справочного аппарата. В подобном случае при коммуникации с автором будет убедительным эксперимент, который состоит в замене внутритекстовых ссылок подстрочными.

Часто нарушен принцип единообразия в оформлении чужой позиции. Так, в рукописи кандидатской диссертации П* читаем: <...> *создаваемые ими значения закономерно рассматривать как составную часть того семантического слоя, который С. Г. Ильенко называет «семантической собственно синтаксической структуры»* [Ильенко 2003: 256–257]. Значения форм глаголов-сказуемых – «элемент синтаксической семантики сложного предложения» [Белошапова 1977: 52–53]. Как видим, в первой фразе чужое слово эксплицитно оформляется с помощью кавычек и сопровождается показателем авторизации – *С. Г. Ильенко называет*; между тем фрагмент цитаты в базовой части второго высказывания требует редакторской

правки, поскольку нарушена модель оформления авторизации. Общим для обеих фраз являются библиографические вставки, которые представляют собой часть справочно-ссылочного аппарата.

В диссертациях, монографиях синтаксистов библиографическая ссылка (вставка!) иногда употребляется в позиции члена предложения, например: В [ГРЯ, 1960] также отмечается, что значительное количество подобных союзов «представляют собой омонимы местоимений, наречий и частиц [ГРЯ, 1960, т. 1, с. 663]» (из докт. дисс. В. З* 2009). Значительное место рассмотрению данного союза отводится в [Холодов, 1975, 1977; Хегай, 1981; Ляпон, 1986; Кручинина, 1988; Санников 1989, 2008] (там же). Поле же – общая для мироздания структура (ср. гравитационное, электрическое поле). Именно поэтому начнем с разграничения понятий поля и категории, в том числе, ФСП и ФСК, в [Всеволодова 2000: 76–77] не разграничиваемых, хотя они предполагают принципиально разные типы структур («Вопросы языкознания», 2009, № 3).

Обилие подобных контекстов свидетельствует о проявлении тенденции к экономии языковых средств и усилий (!), при этом эстетическая сторона текста страдает. Редактор в этом случае также должен осознавать, что происходит, во-первых, смешение базового высказывания и справочного аппарата, а во-вторых, нарушается синтаксическая норма.

Ряд погрешностей связан с позицией внутритекстовой библиографической ссылки в предложении/текстовом фрагменте относительно чужой речи, что не позволяет реализовать золотое правило научной коммуникации, сформулированное В. Е. Чернявской: «Все отсылки к чужим идеям должны быть ясно обозначены и обоснованы для читателя, а границы своего и чужого знания четко маркированы. Это способствует однозначному восприятию содержания» [Чернявская 2004: 50]. Рассмотрим подробнее 3 основных погрешности.

1. Неудачное употребление библиографической ссылки часто обусловлено ее позицией в предложении и/или отсутствием показателей авторизации или метаоператоров и, соответственно, делает границы своего и чужого размытыми. Обратимся к контексту: *В настоящей статье предпринимается попытка описать взаимосвязи концепта «семья», другими словами, концептосферу семьи* [Лихачев 1993: 5] (из научной статьи Е. Д*).

Намерение автора статьи заключалось в информировании читателя, что *концептосфера* – термин Д. С. Лихачёва. Коммуникативная неудача автора в том, что библиографическая ссылка располагается в конце предложения, в результате все предложение интерпретируется как высказывание, принадлежащее Д. С. Лихачёву, и звучит странно

¹ Здесь и далее автор использует знак «*» при инициалах для соблюдения принципа научной корректности и не приводит полностью библиографического описания первоисточника.

в начале статьи, когда автор претендует на самостоятельную постановку исследовательской задачи.

На наш взгляд, здесь следовало ограничиться введением метаоператора после слова «концептосфера». Ср.: *Существенный вклад в понимание этих отношений внесли работы по систематизации этих представлений о видах компаративных тропов (термин В. И. Королькова [138]) и формулированию критериев их разграничения* (М. И. Черемисина «Сравнительные конструкции русского языка»).

2. В современных текстах часто внутритекстовая библиографическая ссылка занимает контактную постпозицию после названного источника или автора, например: *Однако воплощение Города в книге не является буквальной реализацией платоновской схемы. М. Ямпольский [Ямпольский 2007] указывает, что существует два способа самополагания города, связанные с удвоением образа (из статьи Д. К*)*. Такое оформление является неудачным с эстетической точки зрения, так как на одной строчке подряд написана одна и та же фамилия, то есть наблюдается формальный повтор. Более того, оно создает иллюзию избыточности.

3. Встречаются даже контексты, в которых библиографическая ссылка занимает препозицию по отношению к показателю авторизации (что выглядит странно), например: *В своей работе [Кацнельсон 1972] С. Д. Кацнельсон развивает мысль о том, что речь, преодолевая свою одномерность, воспроизводит сложные отношения объективной действительности. По его мнению, «средством преодоления одномерности речи являются «проективные» формы языка. Язык как бы настраивает над линией речи дополнительное многомерное пространство, в постоянном контакте с которым речь расширяет свои dimensionальные потенции. Этим «дополнительным пространством» является парадигматика языка» [Кацнельсон 1972: 186]* (из канд. дисс. Е. К* 2009).

Поскольку в данном текстовом фрагменте речь идет об одной и той же работе С. Д. Кацнельсона, то первая внутритекстовая библиографическая ссылка избыточна. К тому же она занимает неправильное местоположение, располагаясь перед впервые упоминаемой фамилией реферируемого автора.

Названная фамилия и библиографическая ссылка как знак, имеющий значение «изложение концеп-

ции данного автора закончено», на странице вообще могут находиться на расстоянии (см. контекст выше), иногда значительном, и тем самым маркировать границы чужой позиции.

Ср.: *Среди метапоказателей встречаются также выражения как модно/принято нынче говорить, которые, как и метапометы как сейчас говорят/выражаются, содержат глагол несовершенного вида и вводят, по справедливому замечанию М. В. Ляпон, стандартные, узловые обозначения того, что существует в данном языковом коде в качестве «дежурного выражения», речевого штампа [Ляпон 1986] на протяжении определенного временного периода* (Н. Перфильева «Метатекст в аспекте текстовых категорий»).

Итак, молодой исследователь, исходя из благих побуждений бережного отношения к чужой позиции или из научной осторожности, может избыточно употреблять библиографические ссылки.

Подведем итоги. На первый взгляд незначительный вопрос оформления и употребления библиографической ссылки свидетельствует, что современный редактор обладает не только коммуникативной, лингвистической, текстовой, семиотической компетенциями, но и специальной – издательской.

В этом отношении современный автор научного текста часто, как говорится, «уступает» редактору: в современных филологических научных текстах наблюдается смешение показателей авторизации и внутритекстовых библиографических ссылок, авторы выбирают неудачную позицию этого вида ссылок в высказывании с содержательной и эстетической точки зрения. Поэтому задача формирования навыка грамотного оформления чужой позиции в научной статье, диссертации является актуальной.

Литература

1. ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка: общие требования и правила составления. – М.: Стандартинформ, 2008. – 19 с.
2. Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. – Новосибирск, 2006. – 284 с.
3. Чернявская Е. В. Интерпретация научного текста: теорет. учеб. пособие. – СПб., 2004. – 127 с.
4. Шмелёва Т. В. Семантический синтаксис. – Красноярск, 1988. – 43 с.

Материал поступил в редакцию 31.08.2012 г.

Сведения об авторе: Перфильева Наталия Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, e-mail: perfisha@rambler.ru